

ЮРИЙ ЛИБЕДИНСКИЙ В КАРАЧАЕ (К творческой истории романа «Горы и люди»)

Творчество многих русских писателей связано с Кавказом. Всем известны кавказские поэмы Пушкина и Лермонтова, повести Л. Толстого. Гораздо хуже осведомлены читатели о русско-кавказских связях в советскую эпоху. Между тем эти материалы интересны не только своими частными деталями: они дают нам возможность почувствовать особенности историко-литературного процесса.

Русские советские писатели смело вторглись в новую действительность народов Северного Кавказа, находя прототипов для своих героев в гуще народной жизни, находя такие формы общения с ними, каких не знала дореволюционная литература. Русские писатели не только увозили с Кавказа сюжеты будущих книг, «но и оставляли о себе добрую память как организаторы литературной жизни в национальных областях и республиках, как старшие товарищи молодых национальных писателей. Очень характерна в этом отношении деятельность Ю. Н. Либединского (1898—1959).

Будучи председателем секции литератур народов Северного Кавказа при Союзе писателей, Ю. Н. Либединский неоднократно бывал в Карачаево-Черкесии, встречался с писателями: Х. Аппаевым, А. Охтовым, Т. Табуловым, Х. Абуковым, А. Уртеповым и многими другими, а также с начинающей тогда литературной молодежью: О. Хубиевым, Х. Тохчуковым. Писателями, лично знавшими Либединского, особенно

памятны его поездки по Карачаю в 1934—1936 годах.

Впервые в г. Микоян-Шахар (ныне Карачаевск) Либединский приехал по приглашению председателя Карачаевского облисполкома т. Курджиева. Были проведены встречи с интеллигенцией областного центра. После этого писатель уехал в аулы Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук в сопровождении известного карачаевского поэта Иссы Каракотова. Пребывание Либединского

в верховьях Кубани длилось полтора-два месяца. Переводчиком к писателю, не знавшему карачаевского языка, по решению облисполкома, был прикреплен учитель Зулкарнай Чомаевич Каракотов, ныне преподаватель Карачаевского профтехучилища.

Значение длительного общения Либединского с людьми Карачая трудно переоценить: во время этих поездок родился замысел трилогии о жизни горских народов. Либединский досконально изучил место действия героев будущего романа «Баташ и Батай», познакомился с людьми, ставшими впоследствии прототипами отдельных героев. З. Ч. Каракотов вспоминает о длительных беседах Либединского с Наурузом Лепшоковым, в сакле которого в Хурзуке жил писатель. Лепшоков подробно рассказывал Либединскому историю своей жизни. Он был из состоятельной семьи, но ушел в абреки, так как ему не по душе была социальная несправедливость. Науруз раздавал бедным угнанные у

богатеев табуны и за это подвергался преследованиям. Только из-за предательства отважный Науруз был схвачен, судим в Армавире и приговорен к каторжным работам, которые отбывал под Иркутском. Эти факты биографии Науруза Лепшокова Либединский впоследствии положил в основу жизненной судьбы своего героя Нууруза Данилова.

Лепшоков рассказывал Либединскому о своем друге Каракотове Мырзае, в том числе и комическую историю, как Мырзай надел на грудь медаль, снятую с племенного быка. Как известно, эта история вошла в роман «Баташ и Батай» почти без изменений, и рассказана она от лица безымянного товарища Науруза. Втроем — Либединский, Лепшоков, Каракотов — они ездили в Карт-Джурт, осматривали место заключения Лепшокова, из которого ему однажды удалось бежать в горы. В Хурзуке Либединский осматривал дом Баташа из рубленого леса. Либединского очень заинтересовала необычная конструкция дома, потаенные ходы, предусмотренные на случай осады. Эту деталь Либединский использовал в романе при описании дома Темиркана. Вместе с Лепшоковым и переводчиком писатель прошел вдоль «кровавого канала» Баташевых и внимательно выслушал его историю, впоследствии составившую завязку романа.

Либединский подробно расспрашивал о карачаевских обычаях — о праздниках, о свадьбах. Как вспоминает

Каракотов, он осматривал платья Хурейман — жены Науруза Лепшокова, присматривался, как она готовит пищу, интересовался искусством верховой езды, национальной борьбой.

Особое внимание Либединский уделял ведению хозяйства. Его, как и всех, впервые попавших в Учкулан и Хурзук, поражали горы камней, собранных человеческими руками: земля здесь тяжело доставалась людям. Слышал Либединский историю дяди З. Каракотова, едва не погибшего при попытке убрать камень. Все эти сведения впоследствии составили канву образа Исмаила Баташева. С большой тщательностью и скрупулезностью Либединский изучал также историю обедневших князей и судьбы бедняков, приписанных к княжеским дворам. Так, в воображении писателей складывались образы паразитирующих и наглых князей Дуловых. В описании Батыжевых (вначале Батаевых) многое соответствует княжескому роду Крымшамхаловых, всецело подчинивших себе карачаевскую бедноту. Служба в царской армии, жалобы на притеснения Крымшамхаловых со стороны беднейших крестьян-горцев и даже то, что Крымшамхаловы пытались играть важную политическую роль после февральской революции, а в гражданскую войну возглавили банды врагов Советской власти, — все это мы находим в созданном писателем образе Батыжевых. Вместе с тем Батыжевы — собирательный образ, вобравший в себя черты других исторических лиц Карачая. Так, одному из

Батыжевых приписывается сдача Ворот (Аман Ныхыт) русским, тогда как это сделал Амантыш Дудов, а Дудовы в романе действуют самостоятельно, с сохранением подлинной фамилии.

Собирая материал о классовом расслоении в Карачае, Либединский обращал особое внимание на случаи социального протеста. Как сообщил нам И. Егоров, «писатель-коммунист восхищался тем, что карачаевская беднота не позволила наложить на себя ярмо крепостничества, гордым свободолобием мужественных людей». Либединский изучал историю проникновения в Карачай капиталистических отношений и связей бедняков горцев с русским пролетариатом. Порой, казалось бы, незначимые встречи оставляли след в творческом воображении писателя. З. Ч. Каракотов познакомил его с Хусейном Дуловым, работником сельского Совета. Некоторые черты этого человека, его странности угадываются в одноименном герое романа Либединского, хотя в целом этот образ написан по другим фактам и впечатлениям.

Кроме «Большого Карачая», Либединский летом 1934-1935 годов посещал аул Терезе Мало-Карачаевского района, бывал на пастбищах, где слышал от колхозников много интересного. Впоследствии, отвечая на вопросы терезинских комсомольцев, Либединский тепло вспоминал об этой поездке («Дружба», 1959, 19-II). В 1936 году писатель вновь приезжает в Карачай, а в один из последующих приездов собирался остаться в Теберде надолго.

Все, что узнавал писатель, что поражало его взгляд, его воображение, фиксировалось им в записных книжках. Записи эти были краткие. Как вспоминает З. Ч. Каракотов, Либединский записывал за Лепшоковым только даты и цифры, запоминая остальные подробности. Вел Либединский и дневниковые записи, относящиеся ко времени пребывания в Карачае, в которых отражены встречи с людьми, услышанные легенды, например, легенда о Карче, и другие. Как сообщила вдова писателя Л. Б. Либединская, эти материалы хранятся сейчас в домашнем архиве писателя.

Таким образом, творческая история романа «Горы и люди» связана с поездками писателя по Карачаю. «Начал он с Карачая, — подтверждает И. Егоров, — и очень полюбил карачаевцев — народ бесхитростный, чертовски трудолюбивый, выносливый и дружелюбный». «С ними, у них мне легко дышится», — говорил Юрий Николаевич.

Либединский и сам неоднократно говорил о том, что карачаевские материалы дали ему многое. Действительно, только живое восприятие действительности могло подсказать автору такие детали пейзажа, как двуцветные полосы воды у слияния двух рек. То поэтическое и живое восприятие карачаевских песен, каким отличается книга Либединского, не почерпнешь в библиотечных фолиантах, в чужих, безжизненных записях. Оно рождалось в непосредственном общении с носителями фольклора, тонко чувствующими драматизм судьбы Бийнегера и

сказочность Аймуша.

В последствии Либединский собирал материалы для романа «Баташ и Батай» в кабардинском ауле Каменномостье (Кармово), в балкарских—Шики и Безенги. Почти законченный к началу войны роман «Баташ и Батай» публиковался в журнале «Красная новь» в 1939—1941 годах, первая часть романа выходила отдельным изданием. В новой редакции романа «Горы и люди» (1946) Либединский использовал осетинские и дагестанские материалы. Это соответствовало давнему замыслу писателя создать обобщенный образ горских народов, имеющих много общего в исторических судьбах, обычаях, нравах. Избранная Либединским форма обобщения, безусловно, правомерна и имеет определенные традиции в русской и мировой литературе («Крушение республики Итль» Лавренева, «Кавказский меловой круг» Брехта и др.).

Опора на реальные факты истории и быта горских народов сделала роман Либединского интересным, запоминающимся произведением. Вместе с тем, являясь произведением русской литературы, роман Ю. Либединского хорошо передает особенности русского восприятия природы и быта народов Кавказа (описание горских танцев, ночной Арабыни и т. д.).

После окончания Великой Отечественной войны Либединский вновь собирался совершить поездку в Карачай. Беседа с представителями литературной Карачаево-Черкессии, Либединский

выразил желание перевести на русский язык самое крупное и значительное произведение карачаевской литературы — роман «Черный сундук» Х. Аппаева. Либединский называл «Черный сундук» великолепным романом и глубоко сожалел о трагической судьбе автора, павшего жертвой репрессий в 1937 году. Можно с уверенностью сказать, что перевод Либединским романа «Черный сундук» обогатил бы русскую переводную литературу новым значительным произведением, но смерть оборвала творческие замыслы писателя (Ю. Либединский умер в декабре 1959 года). Карачаевская страница творческой биографии Ю. Либединского наглядно показывает, насколько плодотворны литературные связи писателей народов СССР, какие богатейшие возможности таит в себе обращение русского писателя к жизни и быту горских народов.

**ЛЮДМИЛА
ЕГОРОВА.**

Кандидат
филологических наук.